

УДК 94(47)

В статье освещаются и анализируются позиции исследователей по проблеме деятельности Алтайской духовной миссии 1828–1919 гг. Автор высказывает и свою позицию по проблеме.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия; историография; народы Южной Сибири; миссионерская деятельность.

The author analyzes the researchers' viewpoints on the issues of the activity of the Altai Orthodox mission 1828-1919. The author also expresses her point of view on the issue.

Keywords: the Altai Orthodox mission; historiography; the peoples of the Southern Siberia; missionary activity.

М. С. Вожакова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: maniavozhakova@yandex.ru*

Деятельность Алтайской духовной миссии в оценках исследователей

Обзорная статья

M. S. Vozhakova

Lomonosov Moscow State University

Researchers' assessments of the activity of the Altai Orthodox mission

Scientific article

Целенаправленная миссионерская деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в регионе Саяно-Алтая связана с образованием в 1828 г. Алтайской духовной миссии (АДМ), самой крупной из всех внутренних миссий РПЦ. Миссия включала в себя не только проповедническую, но и хозяйственную, образовательную и медицинскую составляющую.

В 1990-х гг. возник конфликт между православной церковью и алтайскими лидерами (алтай-кижи) по поводу наследия АДМ. Алтайские идеологи настаивали, что христианизация привела к деэтнизации и люмпенизации алтайцев; по мнению РПЦ, она стала благом для алтайцев [1, с. 446].

Цель данной статьи – анализ оценок АДМ в историографии разных исторических эпох. Исследование видится актуальным как в связи с расширением миссионерской деятельности РПЦ, так и с конкуренцией миссионерских практик православных и протестантов на Алтае в настоящее время.

В дореволюционной историографии результаты миссии оцениваются прежде всего как приобщение алтайцев к более высокой культуре, хотя отмечаются и некоторые негативные моменты. Известный историк-тюрколог В. В. Радлов подчеркивает цивилизаторскую роль христианизации алтайцев через учреждение школ, прививание гигиены и т. п.

Однако он отмечает неодинаковый успех в разных миссионерских центрах: если в Улале христианство пустило глубокие корни, то в других центрах (Муйту, Ангодай, Шамал) крещеных алтайцев значительно меньше и участь их незавидна (они подчинены зайсанам, которые видят в них веротступников и при малейшей возможности преследуют, а русские не считают алтайцев-христиан за равных себе). Кроме того, В. В. Радлов признает, что насаждаемая оседлая жизнь приводит к обеднению алтайцев [2, с. 182]. Ученый-путешественник Г. Н. Потанин, положительно оценивая деятельность АДМ (рассматривая ее на примере села Увалы), замечает, что духовная миссия находится в самом зачаточном состоянии [3, с. 271].

Изучавшие миссию этнографы А. А. Калачев и А. В. Анохин обращали внимание на то, что христианизация привела к синкретизму верований теленгитов («Кудай один [бог.– М. В.], Иисус другой, Николай третий, Христос четвертый» [4, с. 485]) и алтай-кижи («Христос является девятым сыном их неба» [5, с. 59]). Нелестную оценку трудов АДМ дает исследователь Сибири Н. М. Ядринцев, подчеркивая небольшое распространение христианства, обнищание населения и его низкую грамотность после 50 лет миссионерской работы [6, с. 97]. Особенно он критико-

вал перевод новокрещенного населения на оседлость, считая переход к земледельческой культуре для него непосильным [6, с. 96].

В советской историографии, в силу атеистической идеологии, преобладало негативное восприятие миссионерской деятельности РПЦ. АДМ обычно рассматривалась как орудие политики «крепостнического и феодально-капиталистического государства» [7, с. 136], как часть «колониальной русификаторской политики царской России» [8, с. 125]. Более взвешенной позицией выделяются работы выдающегося сибиревода Л. П. Потапова, отводившего деятельности АДМ большую роль в освоении Горного Алтая русскими переселенцами. Вместе с тем он отмечал жесткую ассимиляторскую политику миссии (земельный захват, насильственный перевод на оседлость), появление у алтайцев «чувства недоверия ко всему русскому, которое поддерживалось и разжигалось зайсанско-байской верхушкой» [9, с. 249], усвоение большинством новокрещенных только внешней, обрядовой стороны христианства, прагматические мотивы обращения в православие (его принимали в основном либо бедняки ради положенных незначительных льготы, либо богачи в поисках союза с царскими колонизаторами) [10, с. 350]. Формальность принятия православия алтайцами в центре и на западе Горного Алтая подчеркивается и А. М. Сагалаевым [8, с. 122]. В работе историка Г. П. Самаева, изданной на рубеже эпох, оценки АДМ заметно отличаются от преобладавших в советский период. Автор акцентирует внимание на положительных аспектах деятельности АДМ: создании алтайской письменности, организации сети школ, развитии литературы на алтайском языке [11, с. 189].

В современный период ученые обращают внимание на противоречивость процесса приобщения народов Южной Сибири к христианству. Вновь переосмысливается и наследие АДМ. Историк Н. С. Модоров признает, что АДМ внесла вклад в развитие земледелия, преобразование скотоводства, промыслов, образа жизни алтайцев, в создание и распространение грамотности на Алтае. Но это все было не целью деятельности, а средством приобщения алтайцев к христианству. Одновременно, по его мнению, миссия «лишала людей, попавших под ее влияние, их собственной духовности, вселяя в них сознание неполноценности, ущербности в религиозном, в национально-этническом отношении» [12, с. 265]. Автор также соглашается с позицией,

доминировавшей в советский период, что АДМ была «надежным проводником правительственной политики», и вслед за советскими учеными подчеркивает поверхностный характер принятия православия алтайцами. По-другому видит АДМ этнолог и религиовед Х. В. Поплавская. Отмечая, что требуется дальнейшее непредвзятое изучение православной миссии на Алтае, она оценивает деятельность АДМ в целом положительно, подчеркивая просветительскую, благотворительную, санитарно-медицинскую роль миссионеров в регионе [13, с. 105]. Акцентирует внимание на положительном опыте миссии через призму благотворительности Д. В. Кацюба [14], а о культурно-просветительской роли миссии нам сообщает М. Р. Маняхина [15]. Вопросы деятельности церкви в Южной Сибири затронуты в работе этнолога Л. И. Шерстовой: она приходит к выводу, что функцией первой в Сибири духовной миссии была русификация [16, с. 160]. План миссии состоял в планомерном постепенном переводе язычников-кочевников в оседлые христиане. Это, по ее мнению, означало «расширение этнической базы русского этногенеза в Сибири, поскольку все крещенные и метисные аборигенные общности сами собою – пусть и неспешно – впитывались в русско-сибирский этнос» [16, с. 160]. Похожей позиции придерживаются Н. О. Тадышева [17] и Д. В. Арзютов [18]. В добавление к вышесказанному Л. И. Шерстова отмечает отрицательную сторону перехода аборигенов на оседлость: быстро и успешно перейти к новым занятиям было практически невозможно и, таким образом, новокрещенные образовывали маргинальные группы, среди которых были распространены бедность, пьянство и другие пороки [16, с. 161].

Представленная историография явно делится на три категории по хронологическому принципу: дореволюционную, советскую и современную. Оценка деятельности АДМ в трудах дореволюционных авторов носит в целом положительный характер, подчеркивается приобщение алтайцев к более высокой культуре, хотя некоторые моменты ими критикуются. В советской историографии преобладали негативные оценки АДМ: показывается отрицательное воздействие на народы Саяно-Алтая, миссия трактуется как проводник «хищнической политики» царской России, подчеркивается поверхностный характер принятия православия алтайцами.

Освобождение науки от советской идеологии способствовало комплексному и более взвешенному изучению христианских миссий среди народов

Сибири и появлению сбалансированных, многофакторных оценок результатов их деятельности. Можно согласиться с Л. И. Шерстовой, Д. В. Арзютовым и другими, что одной из задач деятельности АДМ была колонизация Южной Сибири и унификация ее населения. Справедливо также и положение о том, что успех АДМ различался по регионам (такой вывод очевиден и на основании моих собственных полевых материалов). Так, для этнических групп кумандинцев, челканцев, тубаларов и теленгитов православие действительно стало частью их культуры. В то время как алтай-кижи христианство восприняли в значительно меньшей степени. Похоже, верным будет утверждение о частично непродуманной политике миссии. Например, перевод на оседлость практически у всех авторов рассматривается как отрицательная сторона деятельности миссии. Но следует подчеркнуть и положительные моменты: распространение грамотности, медицины, благотворительность. Христианизация народов Горного Алтая была продолжительным, противоречивым процессом, затрагивавшим и менявшим все сферы жизни местного населения.

Ссылки

1. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. М., 2006. 678 с.
2. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
3. Потанин Г. Н. Инородцы Алтая // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11. С. 253–272.
4. Калачев А. Поездка к теленгетам на Алтай // Живая старина. СПб., 1896. Вып 3–4. С. 477–488.
5. Анохин А. В. Лекции по алтаеведению [подгот. текста и предисл. А. В. Малинова]; М-во образования и науки РФ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Алтайская гос. акад. образования им. В. М. Шукшина». Бийск, 2011. 150 с.
6. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.
7. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л.: Соц-экон. изд-во Ленингр. отд-ние, 1936. 153 с.
8. Сагалаев А. М. Христианизация алтайцев в конце XIX – начале XX в. // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 120–128.
9. Потапов Г. П. Очерки по истории алтайцев / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1953. 444 с.
10. Потапов Г. П. Алтайцы // Народы Сибири. М.; Л., 1953. С. 329–375.
11. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII–середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горно-Алт. отд-ние, 1991. 256 с.
12. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1996. 396 с.
13. Поплавская Х. В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае // Этнографическое обозрение. М., 1995. № 5. С. 99–109.
14. Кацюба Д. В. Благотворительная роль Алтайской духовной миссии // Этнография Алтая: Материалы II науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 72–76.
15. Маняхина М. Р. Просветительская деятельность Алтайской духовной миссии // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 262–264.
16. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII–начала XX века / отв. ред. И. В. Октябрьская, В. Д. Славин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 311 с.
17. Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренных народов Горного Алтая: дис. ... канд. ист. наук. Томск. 2010. 213 с.
18. Арзютов Д. В. Шорцы и северные алтайцы в XIX–начале XXI в.: этноконфессиональные аспекты взаимодействия традиционных верований и христианства: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 369 с.